

Живет в Курске (Россия)

ЕЩЕ РАЗ О ТИШИНЕ

И пролилась на город тишина...

...и пролилась на город тишина,
настолько осязаема, плотна,
густа и клейка в новой ипостаси,
что заслонила внешний мир она,
и звуки все исчезли в одночасье,
как будто в свой таинственный мешок,
завязанный на тонкий ремешок,

их побросал незримый декоратор,
чтоб на обочинах совсем других дорог
в другом пространстве высыпать когда-то.

А тишина, смешавшаяся с тьмой,
текла по декорации ночной,
по шляпкам звезд, из швов её торчащих,
стекая вниз невидимой рекой
и заливая спящих и неспящих,
застав последних в сумраке дворов,
в подъездах обездвиженных домов,
в салонах дорогих автомобилей –
езде, где стрелки острые часов
в одном немом мгновении застыли.

Я наблюдал всё это с высоты,
паря над тёмной бездной немоты,
но крыльев за спиной не ощущая
и тишиною стянутые рты
трёхперстием всевышним осеняя,
чтобы на миг полученную власть
облечь в на миг дарованную милость
и видеть, как легко и белокрыло
одна душа на небо вознеслась,
а ей навстречу новая спустилась.

Рушник

Уже не будет соткан мой рушник
и стыки лет багряно-белой прошвой
не скроет,
лишь в глазу соринкой миг
застрянет между будущим и прошлым,
в котором говорит еще родник
на детском языке со мною, взрослым,
и дедов ковшик к жёрдочке приник.
В котором распускают на ветрах
из года в год свои льняные крылья
завязанные на родных крестах,
не тронутые молью
или былью,
не пачканные смолоду в грехах
полотнища, что память сохранили
в цветной канве и красных петухах.

А мой не будет соткан,

нет в живых
который год
последней мастерицы,
и в частоколе выросшей травы
едва заметна родника глазница,
а дедов ковшик просит у листвы
немного позволения напиться
тугой струёй небесной синевы.
Но, может быть,
в подкравшемся «потом»,
когда оставляю за спиною росстань,
дорога выгнется льняным холстом
и петухи склюют мгновений россыпь,
отсчитанных божественным перстом,
а бабушка доверчиво и просто
мой крест своим повяжет рушником.

Человек на холме

Заснеженный бок холма рассечен тропинкой,
как будто швом, сшитым кривыми стежками,
с проколами-ямками вглубь до слоя суглинка,
которые оставляет тот, кто мерит её шажками
мелкими и осторожными,
а издали – словно идет вразвалку.
Поднимаясь на холм нечасто, раз или два в неделю,
он колет снег своей полированной палкой,
сшивая тропиночный шов на холодном теле
невидимой нитью.
Он стар, одышлив, и у него сползают очки,
когда он с трудом переводит дух на вершине,
но он упорно взбирается вверх, оставляя стежки,
а спускаясь – рвет их лезвием тени синей.

Человек с палкой приходит в такие дни,
когда небо чисто, бездонно и от морозца звонко,
он подходит к обрыву и смотрит в небо, потом – вниз,
там тоже бездна,
только она ограничена у горизонта
виньеткой морозной из вязи ветвей ив,
растущих на кладбище,
но от этого не менее красивых.
Он смотрит с границы двух бездн, и взгляд его нетороплив,
если есть вообще в этот миг понятие «торопливость»,
он видит, как снизу, из сплетения ивовых паутин
взмывает в небо, исписанное строками самолетов,

белая птица,
и он в какой-то из бездн уже не один,
хотя его тело совсем не приспособлено для полета.
Тело здесь, на холме, а остальное - за
рамкой реальности,
там, где купается в небе птица,

но я никак не могу увидеть его глаза,
чтобы в этом уже окончательно убедиться,
ведь я не умею ходить
и все время стою за спиной,
пока человек молча соединяет бездны,
и если он даже решится заговорить со мной,
то вряд ли смогу стать для него полезным.
Я только шиповника куст, что растёт себе да растёт
на этом холме, в пяти шагах от обрыва,
где выронили надклёванный красный плод
две белых птицы,
когда ещё были живы.

[Страница автора в Сети](#)

